

Глава 18: Милосердие.

Несколько часов назад, когда Сильвестр решил побродить по городскому рынку, он побеседовал с Мираж. Он ждал удобного случая, пока сэр Долорем не окажется вне пределов слышимости.

— Чонки, ты мне доверяешь?

— Всей своей жизнью, — энергично кивнул кот.

— Хорошо. Может, у меня и есть свобода воли, но за мной следит множество глаз. Поэтому я сомневаюсь, что всегда могу действовать вопреки принципам Церкви. Но они делают некоторые вещи, которые я не одобряю, поэтому мне понадобится твоя помощь, чтобы сделать несколько вещей, начиная с той эльфийской женщины. Я ожидал, что там есть и другие недочеловеческие виды, но ненависть к ним меня просто поразила.

— Но, опять же, люди и недочеловеки воевали тысячу лет без остановки. Так что это не слишком удивительно. Однако убийство — это то, с чем я всегда смирюсь, но то, что собираются сделать с ней эти инквизиторы. Это совсем не свято, и если я ничего не сделаю, то возненавижу себя. Можно ли вообще считать человека живым, если у него нет морали?

— Я не могу участвовать напрямую, поэтому мне нужно, чтобы ты пошел в случайный дом и что-нибудь украл.

— Чонки делает то, что приказывает Макси! — отдав честь, Мираж убежал и зашел в случайный дом.

Через несколько часов Сильвестр стоял в подземельях и разговаривал с эльфом. Мираж молча последовал за ними и гибким телом проскользнул в тюремную камеру.

— ...Матушка, должно быть, ждет меня за обеденным столом.

Когда все стали уходить, эльфийка закричала, стремясь к свободе. Но вскоре она потеряла силы и впала в полное отчаяние. И вдруг она услышала странные звуки, как будто кого-то рвало.

Тинг! Из ниоткуда перед ней упал нож для фруктов. Она не теряя ни секунды подняла его. Сначала она была в ярости и планировала, как расправится со своими обидчиками. Но постепенно в ее сознание пришла реальность. Она никогда не сможет убить их всех. А если она причинит им боль, они станут еще более жестокими, чем есть на самом деле.

В конце концов она расплакалась от разочарования. Она ничего не могла сделать для свободы. Медленно она поднесла нож к своей шее. Ей казалось, что умереть на своих условиях гораздо

лучше, чем подвергаться издевательствам инквизиторов всеми возможными способами, разрушающими разум. Она даже не знала, как долго будут длиться пытки. Быстрая смерть казалась лучшим вариантом.

— Я... я просто хотела снова увидеть своих малышей... они должны были вырасти... — слезы текли по ее усталым, затянутым мешками глазам.

Сделав последний сильный вдох, она от всего сердца прокляла себя.

— Если есть Бог, сожги этих безумцев! Сожги церковь... ах! Угх...

Вскоре ее полные боли крики перешли в удушье, а пол превратился в маленькую лужицу крови. Сегодня победило безумие, а любовь, мир и уважение остались в стороне, в очередной раз доказав, что ярость и страдания определяют этот мир.

Мираж видел все это до тех пор, пока эльф не перестал дергаться. Зрелище было очень завораживающим. Почему-то бедному коту пришло в голову, что, возможно... только возможно... его воспитательница никогда не вернется. Возможно, она тоже покинула этот мир, как и эта женщина.

Удрученный, Мираж зашагал по дороге обратно к Сильвестру. Он обнаружил, что его приемный человеческий котенок сидит рядом с матерью и разговаривает. Он запрыгнул на стол, а затем уселся на колени Сильвестра, молча уложив себя в пушистый комочек. Он не хотел сегодня играть, потому что в голову лезли воспоминания о его последней воспитательнице. От первого дня, когда он нашел ее, до их последнего прощания.

Первый человек, который смог увидеть его, поговорить с ним и дать ему настоящий... дом.

Сильвестр, будучи наблюдательным человеком, заметил странное поведение Мираж. Он решил, что кровавый вид, должно быть, раздражает его. Поэтому он нежно погладил его по шерсти и прижал к себе... поближе. В конце концов, Мираж хоть и был стар, но все еще обладал кошачьим умом.

— Вот язычница! Откуда у нее нож? Откуда он взялся? — Гневная ругань протоиерея разносилась по всему монастырю.

— Что мы теперь будем жечь, чтобы избавиться от болезни? Божий Избранник сам передал нам приказ Господа.

Ксавия попыталась спросить, что случилось.

— В чем дело, протоиереи?

— Эта проклятая эльфийка покончила с собой. Мы обречены. Этот город теперь обречен. Все

умрут, — Он начал болтать как сумасшедший.

— Смерть была лучшим вариантом, чем ежечасное попираие ее скромности. Надеюсь, ей было не так больно, как при медленном сожжении, — Сильвестр вздохнул, поглаживая шерсть Миража.

Но сейчас у него была проблема поважнее. Ему нужно было разобраться с этой деревней и вернуться. Для этого ему нужно было донести до людей, что болезнь связана с загрязненной пищей и водой.

— Должен ли я говорить об этом прямо и просто сказать, что Солис просветил меня?

И он заговорил.

— Я могу сделать так, чтобы болезнь ушла.

Его слова были бы проигнорированы и высмеяны, если бы они исходили от обычного пятилетнего ребенка. Но поскольку это был Божий Избранник, даже если он плюнет, это будет святая вода. Поэтому протоиерей спокойно спросил, что это такое.

Сильвестр попытался быть умным и ребенком одновременно.

— Еда и вода. Я ел плохой суп, и у меня однажды разболелся живот. Все здесь так выглядят. У них болит живот.

Однако протоиерей отмахнулся от него.

— Как это возможно? Мы получаем воду из колодца, а пищу — с наших ферм и только что забитых животных. Это должно быть проклятие... Возможно, нам следует сжечь ее тело. Может быть, Солис снова просветит нас.

— Валяйте. Я пытался предупредить вас. Почему меня должно волновать, что вы все умрете? — Сильвестр оставил этот вопрос без внимания, поскольку он не касался его напрямую. Его профессиональная жизнь еще только начиналась, и он был ограничен в своих возможностях из-за возраста.

Обед закончился, и солнце скрылось за горизонтом. Монастырь был освещен различными факелами и свечами. Архитектура была потрясающей. Высокие потолки украшали многочисленные картины с изображением битв и религиозных сцен, связанных со старыми римскими папами.

Ксавия взяла Сильвестра за руку и провела его в их комнату. В ней стояли две односпальные кровати и было достаточно места для невидимого кота. Сильвестр занял одну сторону большой кровати, обнял Мираж и заснул. Слишком многое произошло за один день.

Это был отсталый мир, в котором не было современных устройств, таких как электричество. Поэтому солнечный свет был очень ценен, не говоря уже о том, что всем поклонникам Солиса рекомендовалось просыпаться, как только первые лучи Солиса осенят землю.

Так что к пяти утра город и монастырь были полны активности. Сильвестр тоже встал, сонно прошел к уборной и сел там. Он терпеть не мог пользоваться таким туалетом. Это была всего лишь деревянная доска над длинной шахтой, которая уходила в гигантское подземное ведро, где хранились все отходы.

— Когда я вырасту, первое, что я сделаю, — это хорошее керамическое сиденье для унитаза. Нельзя, чтобы самый важный момент в жизни человека был таким неприятным и... вонючим.

— Я тоже какаю? — Мираж подошел к нему.

— Ты делаешь это снаружи. А что, если ты провалишься через эту дыру в ведро для какашек?

Вскоре он закончил, привел себя в порядок и причесал Миража, после чего отправился с мамой снова навещать больных. Но на этот раз, когда они шли по городу, Сильвестр заметил колодец посреди перекрестка.

Чтобы развеять свои сомнения, он подбежал к нему и заглянул вниз. Но когда до него оставался всего метр, он почувствовал сильный запах. Казалось, что это смесь гнилых тел и выделений. Так это и есть вода? Где же ее источник?

Но он не мог больше ничего исследовать, потому что тело женщины-эльфа скоро сожгут на костре. Она была мертва, но они надеялись на чудо. Люди тоже потянулись посмотреть на это, как бы им ни было плохо.

Городская площадь оказалась именно такой, как звучало ее название. Она представляла собой квадратное пространство между двухэтажными зданиями. На ней была грязная земля, а у домов вокруг привязаны животные, так как люди болели и никто не мог за ними ухаживать.

Протоиерей прочитал несколько слов из книги и высыпал соль и воду на тело эльфа.

— Владыка Солис, дети твои здесь плачут от боли. Все исцеления были тщетны. Прими эту жертву и позволь этой чуме исчезнуть, пока она не разрослась. Пусть все закончится, пока это лишь прелюдия перед большим штормом.

—Пусть твой святой свет просветит нас... исцелит.

Инквизиторы, поймавшие ее, вышли вперед и подожгли дерево. Затем огонь сжег тело эльфийки. К счастью, в нем не было жизни, а значит, не было и криков. Но Сильвестр огляделся вокруг и увидел улыбки на лицах. Дети, такие же маленькие, как он, прыгали рядом с родителями, а больные молились с закрытыми глазами.

— Это горящее тело могло быть мной в ту ночь. Оно и сейчас может быть моим, если я осмелюсь пойти против церкви. Такова реальность. Ликсис — я не забуду это имя... первый эльфийка, которую я увидел в этом мире.

Плоть плавилась, как воск, а затем рассыпались кости. От этого жуткого зрелища сводило желудок, но, похоже, люди в этом мире уже привыкли к такому. Протоиерей монастыря и другие мелкие священники продолжали нараспев читать слова из своих книг. Рыцари-инквизиторы орудовали длинными копьями, чтобы обеспечить полное сожжение тела.

Прошел час, прежде чем тело полностью сгорело и превратилось в пепел. Потом, наконец, люди разошлись, а больные вернулись к месту сбора, где Ксавия исцеляла их одного за другим, изнуряя себя тратой магии.

Сильвестр заметил, как жрецы собирают пепел и складывают его в большие глиняные емкости. Затем протоиерей запечатывал их глиной и наносил церковные знаки.

— Что вы будете делать с пеплом?

— Согласно здешней традиции, мы сбросим зло в Черную яму. Все зло останется там, и пусть эта земля греется в теплом свете владыки. Не желаешь ли ты взглянуть на яму, Божий Избранник?

—Да! — щебетал он, демонстрируя свое притворное ребячество. Он также взглянул на сэра Долорема и кивнул.

Вскоре привезли три телеги с лошадьми и погрузили на них глиняные кувшины с пеплом. Сильвестр воспользовался собственным дилижансом и пригласил протоиерея поехать с ним. Это доставило мужчине видимую радость.

Да, Сильвестру были неприятны их действия по отношению к эльфу, но он ничего не мог с этим поделать. Раз уж ему предстояло жить среди этих людей, то и ненавидеть их вечно он не мог.

— Наш город был таким красивым, пока не пришла эта чума. Путешественники из империи Масан останавливались здесь и проповедовали в нашем монастыре. Прекрасные люди и прекрасные времена. Я даже обратил в веру Солиса тысячу горных племен. Когда-нибудь я

обращу все горные племена и принесу сюда мир... и тогда Святой Отец непременно призовет меня в свои объятия.

«Амбициозный глупец, похоже. К сожалению, самый опасный. Сколько Ликсисс будет сожжено и нарушено, прежде чем он достигнет своей цели? Надеюсь, такие люди не будут перевоплощаться, как я».

Сильвестр задумался. Реинкарнация — это то, о чем он часто задумывался с момента своего перерождения. Ему было интересно, был ли он особенным или все перерождаются с памятью?

— А, мы здесь, прямо через Пустынную дорогу, — Три повозки с лошадьми свернули налево, на неровную дорогу.

Вскоре Сильвестр почувствовал ту же вонь, что и от колодца в городе. Теперь он знал, что находится рядом с источником воды.

— Есть ли поблизости река?

Сэр Долорем быстро ответил:

— Здесь протекает Змеиная река, мастер Максимилиан. Это самая опасная река, так как оба берега являются местом спаривания змей.

Отлично, теперь я знаю, куда мне никогда нельзя ходить. Сильвестр ненавидел змей и в прошлой жизни, и в этой тоже.

Проехав еще несколько метров, караван остановился. Раздался звук выталкиваемого из замкнутого пространства воздуха. Вонь также была невыносимой.

— Это Черная яма, давшая название городу. Легенды говорят, что это врата в ад. Мы не знаем, что находится внутри, так как там слишком глубоко и темно. Должно быть, она связана с рекой и полна змей, так как воздух, выходящий из нее, насыщенный, — Протоиерей стоял рядом с отверстием в земле. В ширину она была не меньше, чем пять лошадей, стоящих в ряд. Назвать ее угрожающей было преуменьшением: глубокий свист, издаваемый ветром, и зловоние делали свое дело.

— Бросайте все!

Скандировали жрецы, поднося кувшины к краю и заталкивая их внутрь.

Сильвестр не осмелился подойти к яме. Его тело было слишком мало и могло быть выброшено самим ветром. Поэтому он подождал, пока протоиерей подойдет ближе, и спросил.

— Как давно вы бросаете туда пепел?

— Пепел? Мы бросаем туда все. Пепел, мусор и отходы из туалета. Мы даже бросали туда горных варваров... этих жалких еретиков.

— С каких пор?

— Вечность. В чем дело, Божий Избранник?

Сильвестр наморщил лоб.

— Кажется, я нашел чуму.

<http://tl.rulate.ru/book/74672/4492416>